Рисунок Марины Медведевой

Дэн целыми днями после той встречи думал и говорил о ней. Называл ее Мариночкой, так что меня уж от этой сладости подташнивать стало. Вздыхал, сидя за столом, подолгу в окно смотрел, пьянствовать даже перестал. Грустил, в общем.

А однажды ночью я услышал, как он звал ее во сне: «Марина, иди сюда...»

Они переписывались, и все было в порядке, вроде бы собирались встретиться вскоре, и причем, что удивительно, не на даче, а в городе. Как-то я увидел такое сообщение от него ей: «Я тебя люблю». У меня аж глаза на лоб вылезли. Ну, думаю, брат сам не свой.

Но вот в один прекрасный и солнечный день, когда пели птицы, и всякие весенние козявки ожили, и влюбленные бабочки кружились в вальсе, он мне говорит:

— Горе, ты прикинь! Я ей пишу: «Ты мне нужна». А она мне в ответ знаешь что?

— Что?

— Ничего. Потом я ей: «Хочу тебя». А она?

— Что?

— Опять ничего. Только отчитала меня за какую-то хрень, как школьника. Похоже, дела плохи.

— Да почему же? — я не согласился. — Мало ли, может, у ней настроение плохое... Отходняк, например. У тебя вон тоже бывает по утрам.

— Нет-нет-нет, — покачал он головой и замкнулся.

А на следующий день он вдруг пригласил ее в гости. Она отказалась приехать, и Дэн расстроился.

— Ладно, — сказал он, — звони Артему!

— Может, не надо Артему? — запротестовал я.

— Звони!

— Не буду!

— Тогда я сам.

Артем приехал к вечеру, с веществами. И тут началось. Они пили, курили, нюхали. Артем привез какую-то девушку, а у девушки был мескалин. Что же, обожрались они и мескалина. Потом приехала еще одна девушка — с розовыми волосами и пирсингом в носу. Дэну казалось, что она чем-то похожа на Марину, хотя, по-моему, совсем нет.

К ночи Дэн с Артемом были в глубочайшем обдолбосе. Артем ушел в другую комнату с розоволосой, а Дэн строчил сообщения Марине, какую-то дикую чепуху. И в конце концов отправил ей фото девушки Артема.

— Зря ты это, — возмутился я. — Ей, наверное, неприятно!

Но Дэн не мог остановиться, уж разыгралось его воображение.

Потом загрустил вдруг сильно-сильно и стал на столе ловить невидимую муху. Такой печальный стал, что у меня прямо сердце защемило. И девушка Артема тоже, видимо, пожалела его, потому что вдруг руку на колено ему положила и погладила.

Дэн посмотрел на ее задумчиво-задумчиво и потом говорит:

— А ты кто? Я тебя не знаю.

А она ему:

— Да так, мимо проходила. Пойдем, я тебя в кровать отведу, малыш, тебе отдохнуть надо.

Дэн покорно кивнул и пошел с ней наверх. Она почему-то не вернулась, и я заволновался, что же, думаю, делает, тварь, у Дэна же девушка есть! Да и сама она не чья-нибудь, а Артемова! Шлюха?! Шлюха!!!

Я в гневе ушел спать в баню и там долго еще молился.

* * *

Наутро Дэн спустился виноватый. В руке у него была записка.

Артем сидел за столом и пил водку.

— Артем, извини...

— Да ладно, забей! Какие счеты... У нас с ней и несерьезно.

— А где она?

— На работу уехала. И подруга ее с ней. Тебе понравилось хоть?

— Да я не помню ничего...

— А что за бумажка у тебя?

— Это я на столике у дивана нашел, — объяснил Дэн. — С бутылкой колы.

— Заботливая, — наклонил голову Артем. — Водку будешь?

— Буду.

— Ладно, — не выдержал я, — ну вас на хрен! Наливайте и мне!

Я тогда по наивности подумал, что если буду пить с ними, то им меньше достанется.

* * *

— Парни, — сказал Дэн, — что-то меня не отпускает. Я вообще вчера Марине написал, что больше не буду с ней общаться. А хочется...

Артем потер блестящую лысину. Не знаю, почему она у него так сверкает. Как солнечный путь на воде перед закатом.

— Ты чем лысину мажешь? — спросил я.

Он не обратил на меня внимания.

— Ты влюбился, что ли? — сказал он Дэну.

— Да, — выдохнул тот. — Похоже. У меня ее образ перед глазами стоит и голос в ушах звучит. Больно даже думать о ней. А ей явно не до меня.

— Клин клином! Давай девчонок вызовем!

— Нет-нет-нет, — вскочил я, задел коленями стол, и он едва не перевернулся. — Хватит разврата! Здесь вам не бордель! Вон, посмотрите на Николая Угодника! Не совестно вам перед ликом святого?

Артем выдохнул дым в сторону Угодника и сказал Дэну:

— Давай, а?

— Не поможет, — покачал головой Дэн.

— Правильно! — закричал я. — Любовь — это верность! Ты должен быть верен ей! Как рыцарь!

— Горе, — злобно сказал Артем, — ты иногда такое несешь, что у меня мозги в студень превращаются. При чем тут рыцари?

— Хотя есть у меня мыслишка, — вдруг усмехнулся Дэн. И выпил. Потом налил еще, они чокнулись и опять выпили.

Я упал на колени и сложил ладони вместе.

— Дэн, нет! Не поддавайся дьявольскому искушению!

— Есть одна классная девочка, ученица моя бывшая. Десятиклассница.

Он мечтательно улыбнулся.

— Это должно помочь!

— Совершеннолетняя хоть? — спросил Артем.

— Ну, шестнадцать вроде есть.

— Мысль отличная!

Не в силах это слышать, я выбежал на крыльцо.

* * *

Несколько лет назад у Дэна случился нервный срыв. Долгая эта история, не хочу рассказывать, но, в общем, попал он в клинику. Там у него диагностировали биполярное аффективное расстройство, или, как чаще это называют, маниакально-депрессивный психоз. Он мне потом рассказывал, что это такое, я сам в Сети почитал и понял, что это не очень хорошо. В самом деле, нередко я у него наблюдал внезапные приступы какой-то дикой тоски, которая вдруг сменялась беспричинным весельем, а потом опять, и так постоянно — как морские волны накатывают на берег, так и у Дэна — накатывает, откатывает, накатывает, откатывает, и без каких-то видимых причин.

Так вот, сейчас я переживал, что он наделает глупостей, потому что в моменты перепадов он не мог контролировать свои эмоции. Да что уж там эмоции, он и просто разумно не мог себя вести.

Не могу сказать, что он вел себя как-то особенно ненормально или был похож на психа в такие моменты. Но когда ему было так, то всякие события, всякие мелочи и заурядные, в общем, вещи представлялись ему катастрофой. Это потом, когда его отпускало, он вспоминал с недоумением:

— Это что же такое было? Что я сделал?

Ну и курить начинал одну за другой. В таком состоянии мог подряд пачки четыре выкурить. Из-за этой

проблемы с психикой он испортил почти все свои отношения. Помню случай, когда он, находясь в обострении, переписывался с одной девушкой. И в какой-то момент она пошутила как-то невинно, а он воспринял это как оскорбление. Ну и все. Устроил он такое, что вот прямо здесь клянусь, что никогда нигде об этом не расскажу, кроме как на смертном одре на исповеди. Да и то, это Дэн должен рассказывать, а не я, ну так он даже на исповеди не расскажет.

Потом они встретились как-то. Сидели в кафе. А Дэн все по сторонам смотрел, только не на нее.

— Ты что все глаза прячешь? — наконец спросила она. — Я такая страшная?

— Да нет, ты ничего. Просто как вспомню, что я тогда натворил, так стыдно в глаза тебе смотреть.

— Ну да, — печально улыбнулась она. — Ты, конечно, мастер обосраться.

— Умею, — кивнул он.

* * *

Мальвина, Мальвина, девочка с голубыми волосами, имя твое тает у меня на губах. С первого взгляда ты покорила меня, и твой образ запечатлелся каленым железом на сердце.

— Вот это да, — сказал я, когда она приехала, эта десятиклассница, — у тебя имя и волосы — как из сказки про Буратино!

Она посмотрела на меня с интересом, как бы изучая, серьезно я или правда дурак, потом объяснила дружелюбно:

— Ну да. Я специально так покрасилась. Прикольно же?

И она засмеялась, мило так, по-детски.

В общем, вела она себя уверенно, как будто это не она к нам приехала, а мы к ней. Даже, я бы сказал, нагло, и по-хозяйски. Прошла в гостиную, села за стол на место Дэна (такого никто себе никогда не позволял!), выпила из его стакана виски и закурила.

Мы все трое, Дэн, Артем и я, стояли и молча смотрели на нее. Каждый думая свое, но каждый с уважением, ибо свобода — признак личности.

— Данила Алексеевич, экстези будете? — вдруг сказала она так буднично, как будто сигарету ему предлагает.

Дэн явно не ожидал такого поворота и развел руками, смутившись.

Тут я взорвался. Я вскочил и закричал, брызгая слюной:

— Ты что несешь, пигалица! Ты на себя-то посмотри, еще в садик недавно ходила! Я сейчас родителям твоим позвоню, коза мелкая!

Она совершенно не испугалась. Но перевела взгляд на Дэна и вопросительно на него так посмотрела, как бы спрашивая: «Чего это он?»

— Не обращай внимания, не обращай внимания, — пробормотал он. — Мой брат просто очень эмоциональный. Но совершенно безобидный. Давай экстези.

— Да какое там экстези! — уже хладнокровнее сказал я. — Он тут так мескалина обожрался, что ни бе ни ме! Ему нельзя больше!

— Ого! — воскликнула она радостно. — У вас есть мескалин?

— Нет, — сдержано ответил Артем. — Но есть кокс. Будешь?

— Еще бы!

Артем покачал головой, и лысина отразила лампу.

— Ты правильная девчонка. Респект.

Пока он делал дорожки, а Дэн глотал экстези, я стоял над ними в состоянии ярости. Кровь шумела у меня в голове, руки дрожали, но я не знал, что делать, — не бить же их? Происходящее было ужасно, непристойно, возмутительно!

— Дэн, — воззвал к нему я, — подумай о Марине! Это же предательство!

— Хорошая мысль, — усмехнулся Дэн. — И стал что-то писать Марине.

— Кто такая Марина? — с очаровательной улыбкой спросила Мальвина.

От ее улыбки брови мои разгладились и от сердца отлегло, ярость зашипела и испарилась, как вода на углях. Как в детской песенке:

От улыбки станет всем теплей
И слону, и даже маленькой улитке...
Так пускай повсюду на земле,
Словно лампочки,
Включаются улыбки!

Все верно, ее улыбка озарила меня словно светом электрической лампочки. И я, обезоруженный ее сиянием, ответил предельно серьезно:

— Марина — это возлюбленная Данилы Сергеевича!

— Не слушай его, — засмеялся Дэн, но такой, не доброй очень улыбкой, и по глазам я его понял, что его лихорадит, — нет у меня возлюбленной. У меня нет возлюбленной...

* * *

Она затащила Дэна в постель. Хотя он не особенно в нее стремился. Ему хотелось общаться с Мариной. Он сидел под экстези и что-то писал ей в ноутбуке, и выражение его лица постоянно менялось от расслабленного

до напряженного. Я видел и понимал, что у него психоз, но что я мог поделать?!

Мальвине не очень нравилось, что он так очевидно переписывается с другой. Это и понятно, он ведь позвал ее в гости. В какой-то момент она взяла и захлопнула крышку ноутбука.

Дэн некоторое время смотрел на нее в изумлении, и я испугался, что он ей сейчас двинет. Но она взяла его за руку и сказала:

— Данила Алексеевич, покажете мне второй этаж?

Вот как, вот как, «покажете мне второй этаж!». Я от гнева сжал кулаки. Это что за молодежь такая сейчас пошла? Что за шлюхи и наркоманки? Когда я был школьником, я слыхом не слыхивал, что такое возможно! Ну ладно я, я отсталый, но Дэн! Дэн-то? И Артем! Они не были такими в десятом классе!

Спустя пару минут наверху раздались ее неприлично громкие стоны. Я покраснел. Артем как будто ничего не замечал и тупо смотрел в телефон. Я встал и начал ходить взад-вперед. Она стонала все громче и громче. Немыслимо! Это что за поведение такое?!

Почему-то мне было тревожно и страшно от этих стонов, как-то защемило в груди. Я прошел на кухню, достал пол-литровую пивную кружку. Наполнил ее всю текилой, которую еще вчера привез Артем, и выпил залпом.

— Ох, — сказал я и отер губы рукавом.

Лицо перекосило, и я несколько секунд не мог придать ему обычное выражение.

Заметил, что Артем с интересом смотрит на меня.

— Может, травки?

— Спасибо, это уже лишнее.

* * *

Ну что было потом? Дэн с Мальвиной спустились. Зрачки у обоих во все лицо. Сели за стол, Дэн опять начал строчить что-то Марине. Артем с Мальвиной прожгли отверстие в пластиковой бутылке и стали курить гаш. Я допивал текилу и пытался разобраться в себе. Но молиться почему-то не хотелось. Мальвина перешла с Дэном на «ты».

В какой-то момент я обнаружил, что Дэна нет.

— А где Данила-то? — спрашиваю. — В туалете его нет, наверху тоже.

Мальвина бессмысленно посмотрела на меня и ответила:

— Не знаю.

Артем развел руками.

Они слушали какую-то музыку. Бумц-бумц-бумц.

Я вышел на крыльцо. Ночь, в небе клубятся облака, как будто по нему катятся валы в сильный шторм. Где-то проскальзывает лунный свет. Вечер шумит в невидимых кронах. Вдалеке завыла собака.

Калитка в лес открыта. Я не помнил, закрывали ли мы ее. Если да, то, значит, ее открыл Дэн и ушел.

— Черт, — сказал я.

И перекрестился.

— Господи, — поднял я голову к бурлящему небу, — сделай так, чтобы с моим братом ничего не случилось! Чтобы он не напоролся на кабана, чтобы не заблудился и не утонул!

Я вернулся в дом. У этих все без изменений.

— Дэн ушел в лес, — сказал я.

— Не маленький, — ответил Артем, не глядя на меня. — Вернется.

И положил руку Мальвине на колено. Она спокойно стряхнула ее.

Я подошел к столу, схватил бутылку с текилой. В ней было пусто. Тут я заметил ноутбук. У меня мелькнула спасительная догадка. Я сел за него. Открыт «ВК» — на странице переписки с Мариной. Тут я сразу же увидел пару гадостей, которые он написал ей, и решил не читать остальное.

— Добрый вечер, Марина, — написал я ей. — Мой брат случайно не к вам уехал? Мы его не можем найти.

— Нет, — ответила она. — А что с ним?

Ну, в общем, слово за слово, стал я с ней переписываться и понял, что она не такая плохая, как мне показалось вначале. Короче, не суди о человеке по цвету волос, татуировкам и пирсинге, сказал я себе. Приятно так пообщались, нормально, и я недоумевал, а что Дэн, собственно, безумствует, насколько я понял, все у них в порядке было с общением. Ну разве что она написала что-то о том, что у них с Дэном у каждого своя жизнь. «Ну и что?» — подумал я.

Тут и Дэн вернулся. Я взял и всю переписку стер, да причем с самого начала, что у них была — за все время знакомства. Это я не подумал, просто хотел удалить следы своего присутствия.

— Ты где был! — вскочил я. — Мы тебя обыскались!

По правде, Артем с Мальвиной даже и не начинали волноваться.

Дэн был в полном порядке и протрезвел, только грустный.

— Гулял, — ответил он и сел за стол. — Выпить есть чего?

— Нет, — сказала Мальвина. — Можем где-нибудь купить?

— Есть способ, — кивнул он. — Мы сейчас Гориславa отправим к одному местному сирийцу. Правда, у него только водка.

— А кола есть? — спросила Мальвина.

— Есть.

— Ну отлично! Сделаем коктейли! — засмеялась она.

Я покачал головой и пошел одеваться в прихожую. Дэн звонил сирийцу. За окнами начинался рассвет.

Когда я вернулся, Дэна с Мальвиной не было. За столом сидел Артем и с идиотской улыбкой писал на ноутбуке Дэна. Я подошел и увидел, что он пишет Марине. Я резко закрыл крышку. Артем поднял на меня одурманенный взгляд, но возражать не посмел.

— Мне надо полежать, — сказал он. Поднялся, сделал несколько неровных шагов и упал лицом на диван, так что ноги остались на полу. Так и вырубился.

Я подошел, поднял его ноги и закинул на диван. Снял плед с кресла и накрыл Артема.

* * *

Мальвину Дэн отправил рано утром, когда проснулся. Я покаялся: признался, что писал Марине и что Артем тоже. Дэн посмотрел в ноут.

— Идиоты, — сказал он. — А где моя переписка?

— Стер, — виновато ответил я.

— Ладно.

Ему было очень плохо. Но он вроде собрался с мыслями и написал Марине что-то приличное. Кажется, впервые за два дня.

Потом откинулся на стуле, отпил чаю. Закурил.

— Горе, ну как тебе кажется, я достаточно перед ней опозорился?

Я очень серьезно задумался над его вопросом. Вспомнил все события этих дней, взвесил все «за» и «против» и честно сказал:

— Думаю, более чем.

— М-да. А приснилось, что мы едем с ней на моей машине в Сергиев Посад. И нам так классно, весело вдвоем.

* * *

Дэн после бани расположился на ступеньках крыльца. В одном полотенце, со стаканом пива и сигаретой. Я стою рядом. Погода чудесная, шумят березы от несильного ветра, солнце нежно поливает нас золотой краской, небо ясное и чистое. Но, глядя на Дэна, я вижу резкий контраст. Он не в гармонии с миром, потому что в нем пробоина и из нее хлещет наружу что-то темное, ядовитое.

— Смотри, как красиво, Горе, — говорит он печально.

Пришел сторож. Дядя Володя. Старый уже, черт, но бодрый и крепкий. Невысокого роста, лысый, глаза умные. Молодость у него бурная была, работал моряком в дальних плаваниях, потом украл что-то и сел. Отсидел, пустился во все тяжкие, пил несколько лет, опустился вконец, чуть не умер на улице. Подобрала его женщина одна и пристроила сюда сторожем. Тут они с Дэном и подружились. Да причем так, что стали лучшими друзьями. Хотя вот уж совсем они не подходили друг другу. Ну да ладно. Сторож, в общем, оказался человеком совсем не плохим.

Подошел он и говорит:

— Дэн, чего распилить надо?

— Не, дядя Володя, пока не надо, спасибо. Пиво будете?

— Давай.

Дэн налил ему стакан.

Сторож отпил, закурил и внимательно на Дэна посмотрел.

— У тебя что, любовь, что ли?

Уж не знаю, по каким таким признакам он догадался.

— Да, — ответил Дэн, тоже не став выяснять, откуда тот знает.

— Херово!

— Ага, — кивнул Дэн.

Дядя Володя допил, поставил стакан, похлопал Дэна по спине и пошел к себе.

* * *

Сидели с братьями в уличном кафе в центре. Я пил кофе, они почему-то водку. И это с утра-то! А вокруг люди, машины, птицы. И солнце блестит на лысине Артема, пробиваясь сквозь щели между тентами. Глаза у них красные, припухшие.

— Парни, — не выдержал я, — ну как можно с утра пить водку!

— Горе, — возразил Артем, — уже полдень, как же утро. Это для таких бездельников, как ты, полдень — утро.

Они выпили и закусили. Ну и разговор обычный повели.

— Знаешь, — говорит Дэн, — я вообще-то не люблю под веществами. Если принял экстези, ну еще туда-сюда, а вот если фен, то мне приятнее просто посидеть, поговорить с девушкой.

— Ну так ты наркоман, — покачал головой Артем. — Тебе наркота, получается, интереснее девушки.

Дэн задумался.

— Пожалуй. Но пока она действует. Как прошло, так девушка опять интереснее. И к тому же, я, в отличие от тебя, очень редко употребляю.

— А это роли не играет — часто или редко. Главное — отношение.

Они выпили и замолчали. Дэн рассеянно смотрел по сторонам. Артем затупил в телефон.

Вдруг Дэн бросился под стол, уронив при этом бутылку и рюмки.

— Марина! — прошептал он.

Все в кафе посмотрели на него. К нам направилась официантка, но Дэн замахал на нее рукой из-под стола:

— Все в порядке! Все в порядке!

Я огляделся: в самом деле — вон она, идет с друзьями, о чем-то болтает. Ее взгляд скользнул по кафе, она не заметила ничего странного. Через минуту ее уже не было.

— Вылезай, идиот, — сказал Артем. — Ушла. Это что вообще было?

Дэн вылез и стал отряхивать грязные колени.

— Дэн, — с укоризной заметил я, — почему ты к ней не подошел? Поздороваться?

Он смутился. Закурил, пожал плечами:

— Не знаю.

Артем закрыл лицо руками и простонал:

— Господи, какой лох...

* * *

— Дэн, ты должен ей позвонить! Должен!

— Это почему еще?

Я видел, какой неприкаянный он ходит. Мотается по дому, по саду, по городу и не находит себе места. Ему очень хотелось, чтобы она была рядом. И вот я сопереживал ему, думал, как могу помочь.

— Дэн, ну так пригласи ее, что ты?

— Ты знаешь, — ответил он, — я, честно говоря, особо не вижу в этом смысла. Я думаю, у нее свои дела, свои друзья. Наркотики, веселье, все такое. Не думаю, что ей до меня. Это знаешь как, когда ты постоянно под веществами, тебе, в общем, особо и дела нет ни до кого. А она на каждой фотке почти в обдолбосе...

— Да откуда ты знаешь! Может, она специально такие фотки шлет, а сама сидит сейчас и ждет, что ты ей напишешь!

В общем, Дэн доверился мне и предложил ей погулять. А она ответила что-то в том роде, что больше не видит смысла в их встречах, так как не испытывает к нему особых чувств.

— Ну вот, Горе, — сказал он, — вот видишь!

— Ну, может, она это из вредности, может, она обиделась на тебя!

— Тем хуже. Если из вредности, то мы точно ни о чем не договоримся никогда.

* * *

— Пацаны! Пацаны! — закричал Дэн с утра, вырываясь из ванной. — Смотрите, до чего меня любовь довела!

— Что? Что такое? — встревожились мы.

— Вот, смотрите. Из-за нее у меня волос на груди поседел.

В самом деле, приглядевшись, я увидел, что на груди у него рос седой волос.

— Дэн, — сказал Артем, — ну ты вообще-то не юнец уже. Он у тебя, наверное, раньше уже седым вырос.

— Нет, его раньше не было!

— Так, — ухмыльнулся Артем. — Откуда ты знаешь? Ты что, по утрам рассматриваешь свою грудь в зеркало?

И я тоже тут удивился:

— Дэн, ты что, смотришь на свою грудь? Зачем?

— Нет, парни, не смотрю. — Дэн слегка порозовел. — Но я бы заметил его раньше!

— Ладно, ладно, — засмеялся Артем. — Все ясно.

Мне стало жаль Дэна.

— Не переживай, — сказал я. — У тебя красивая грудь, не то что у меня. Отчего бы и не смотреть на нее иногда?

— Сволочи, — обиделся Дэн. — Я надеялся, вы посочувствуете мне! А вы как всегда стебетесь!

* * *

А потом как-то он приехал после занятий, очень задумчивый, и написал ей:

— Давай поедем с тобой куда-нибудь на несколько дней.

Она отказалась. Он хотел реализовать с ней свой сон — как они едут в Посад. «Это было бы круто, это было бы круто», — повторял он. Тогда он предложил ей поехать в Таиланд, он давно хотел туда, но и тут она отказалась.

— Жаль, — сказал он мне тогда. — Очень жаль. Теперь я уже ничего не смогу ей предложить.

Я и здесь не хотел сдаваться, потому что Марина показалась мне очень хорошей по нашей переписке. Я думал, круто будет, если они станут общаться, встречаться, может, они друг на друга в конце концов и повлияют хорошо!

— Дэн, так, может, она опять из вредности?

Он сказал некрасивое матерное слово в рифму с «вредности» и добавил:

— Тем хуже. Я-то по-настоящему.

* * *

— Парни, — сказал Дэн, когда мы сидели у реки с пивом. — Знаете, почему я Марину опасаюсь?

Это он мог так внезапно начать разговор, как будто продолжает старый и окружающие должны быть в теме. Но мы и в самом деле были в общих чертах в теме.

— Вообще я не знал, что ты ее боишься, — ответил Артем.

— А я заметил! Я заметил! — закричал я.

— Блин, Горе, не ори...

— Потому что, — продолжил Дэн, — почувствовав мою зависимость от нее, она легко может сделать мне больно. И она обязательно сделает, будь у нее возможность.

— Характер такой? — спросил Артем.

— Ну да.

Артем покивал головой.

— Может быть, может быть... С такими отношения не надо иметь. Себе дороже. Но ты вообще сам такой же. Поверь, я давно тебя знаю.

Я не совсем понял, о чем они. Да и не хотел — мне открывался дивный пейзаж. Внизу, под крутым обрывом, в широком русле разливалась река. Берега поросли ивами, которые свешивали свои мельтешащие пряди до самой воды. Ласково грело солнце, нежно голубело небо. Я закрывал глаза и представлял, что иду по набережной и моя рука время от времени касается кого-то слева, кто идет рядом со мной. Это ощущение вызывает у меня улыбку.

И мир улыбается мне.

* * *

Возвращался я тут домой в городе. Смотрю, картина такая: лежит на ступеньках незнакомый мужик, его трясет, будто в агонии бьется. Рядом Дэн стоит и с ним девочка из нашего подъезда, плачет, слезы вытирает, тушь по лицу размазывает. Вроде школьница она по виду.

— Что такое, Дэн?

Я разволновался, мало ли, думаю, что тут случилось.

— Да вот, — говорит, — спускаюсь я в лифте, открываются двери — и вижу: этот дядя заталкивает девчонку в лифт. Глаза у него бешеные, она перепуганная, вся в слезах. Но не ожидал он явно, что лифт не пустой. В общем, двинул я ему. Потом сюда выволок. Теперь боюсь, как бы он не сдох. Меня же посадят.

Я поглядел на насильника, а он противный такой, рубашка расстегнута, голый живот, волосы лохматые и бородка острая, чем-то на пуделя похож. На груди образ девы Марии на цепочке. Он хрипит, периодически дрожь по рукам пробегает. Жаль мне его стало, дурака неприкаянного. Вот, думаю, немолодой уже, как же ты дошел до такого?

И по щекам его похлестал, чтобы он в себя пришел. И он пришел. Вскочил, на колени встал и начал у нас с Дэном прощения просить.

— Ребята, я не буду больше, отпустите меня!

И такой жалкий он, гадкий.

— Ты не у нас прощения проси, — Дэн говорит. — У нее вон.

А девочка к Дэну жмется, все еще не отошла от страха.

Ну потом весь подъезд вышел, родители ее приехали, очень благодарили Дэна, что он в лифте тогда оказался. Хотя что его благодарить, он там случайно был, это Бога надо благодарить.

Девочка повеселела, стала друзьям звонить, рассказывать. А потом полиция приехала и насильника увезла. Только я думаю, ему не будет ничего. Он же ничего не успел сделать. Ну да я помолюсь о нем, как и обо всех сошедших с пути.

* * *

Дэн шел из леса. Пилил и колол дрова для бани. А я собирался как раз на машине за дровами ехать. И вот вижу: шагает, уж нечесаный давно и небритый, в майке-алкоголичке сальной, штанах, год не стиранных, в руке топор метровый. Идет, а на роже тоска — сохнет по своей Мариночке.

— Все, — сказал он мне еще утром, — все напоминает мне о ней. Деревья, небо, облака, поля, река, дома, машины... Это какой-то кошмар, на что ни посмотрю — сердце болью отзывается. Даже вот тельняшку мою не могу теперь видеть без печали, потому она ее надевала, когда приезжала! Она же ей до сих пор пахнет!

— Ну так ты ее постирай!

Он посмотрел на меня грустно и промолчал.

Короче, идет. А я собираюсь ворота открывать и выезжать за наколотыми дровами. И вдруг вижу, и глазам своим не верю, с другой стороны, с просеки, приближается Мальвина. С фотоаппаратом. Приседает перед Дэном на корточки и фотографирует его.

Дэн остановился, ошарашенный.

— Ты вообще откуда взялась? — спрашивает он.

— Из Москвы, — отвечает она с невинной улыбкой.

— Так мы же не договаривались... Вдруг меня бы тут не было или я был бы не один?

— Но ты же здесь и один! — засмеялась она. — Да и если бы не один, я же лучше всех! Правда, Горислав?

Кокетливо она так это мне сказала. И сердце мое кольнуло.

— Оторва! — не выдержал я. — Тебя бы в Иваново в монастырь! Там тебя быстро уму-разуму научат!

— А там мескалин есть? — спросила она.

Я понял, что она издевается надо мной, и пошел к машине. «Откуда берутся такие шалавы мелкие?» — подумал я зло.

Но, по совести, признаюсь, меня ее наглость и бесстыдство задевали за что-то живое. Это обезоруживало меня, я вдруг становился перед ней слабым и как будто зависимым. Если бы она вдруг сказала мне: «Горислав, идите сюда, поцелуйте меня», ну или еще что-то в этом роде, то мои бастионы рухнули бы. Боюсь, я забыл бы о Боге и о своих обетах!

Я остановился перед машиной и стал креститься, возведя очи горе.

— Чего это он? — спросила Мальвина у Дэна.

— Это нормально, — махнул рукой тот.

Уже из машины я спросил строго:

— Надеюсь, ты никакой отравы не привезла?

— А-а-а! — радостно завизжала она. — Вы тоже хотите! Я так и думала!

— Тьфу. — Я завелся и поехал.

* * *

Дэн целыми днями пропадал в городе — ходил по улицам, набережным, бульварам, сидел на лавочках в парках и дворах. Томился он.

— Горе, я как вспомню ее лицо, улыбку, голос, так мне тяжко прямо... И мысль все время такая — это же ужас, что она не рядом, как возможно, что не рядом? В общем, опустела без нее земля... Как в песне какой-то поется.

Часто приезжала Мальвина. Она подружилась с Артемом на почве наркотиков и всегда теперь была в курсе, где Дэн. Однажды даже она поймала его на набережной. Он ее не избегал, но и старался близко не подпускать. Я видел, что она ему нравится, плохая девочка, в его вкусе, и взрослая не по годам, и если бы не Марина, думаю, тут случилась бы какая-нибудь история, еще пожестче, чем с Мариной.

— Дэн, а я вот думаю, что тебя Бог наказал, — как-то сказал я ему.

— В смысле?

— Ну как. За все эти твои вот грехи. За девушек, замученных тобою. Они же любили тебя!

— Ну ты выражения-то выбирай! Замученных. Как будто я их убил.

— А в каком-то смысле и убил! Обманутая любовь — это ли не убийство?

— Ох, Горе, не идет тебе умничать... Так о чем ты?

Как наказал-то?

— Любовью к Марине!

Дэн матерно послал меня.

* * *

Да вот еще помню, он во сне плакал как-то. Утром встал, слышу, всхлипы. Подхожу. Дэн плачет, подушка в слезах, но спит. Так жаль его стало, ну прям как ребенка маленького. Дай, думаю, поглажу, ведь человеку так тяжело, так одиноко без ласки и любви на земле живется! Все мы одиноки, особенно если без Бога в душе!

Я наклонился и погладил Дэна по волосам. Нежно так, по-матерински, хотя я никогда не видел ни у одной матери таких рук, как у меня.

Дэн проснулся сразу, в кровати сел. Смотрит на меня испуганно.

— Горе, ты чего это задумал?

— Дэн, утешить тебя хотел. Ты плакал о чем-то во сне.

— Черт, стремный ты мужик, хоть и брат, к тебе не привыкнешь... Давай договоримся, ты меня никогда больше не будешь трогать?

— Ладно, — обиделся я.

* * *

Однажды днем Дэн особенно долго пропадал. И я стал волноваться. Он ушел в лес. Сказал, что за грибами. Но какие грибы в мае? Да и пошел он почему-то с мачете. Не представляю, рубить, что ли, их?

В общем, через три часа я пошел за ним. Идти я не знал куда, просто пошел. Следуя интуиции, по главной лесной дороге. Птички чирикают, солнце плещется в кронах, бабочки желтые, белые и коричневые, и еще какие-то совсем маленькие — голубые, то тут, то там пересекают путь. А некоторые танцуют в парах, видно, у них отношения.

Через полчаса вышел я на широкую просеку в глубине леса, посмотрел влево, вправо и хотел уже дальше идти, но тут заметил на холме фигуру — Дэн стоит на коленях. Присмотрелся, а он крестится. Вот это да, думаю. Наконец-то! Так меня это растрогало, что я, кажется, немного даже прослезился.

Я как мог незаметно, чтобы молитве не мешать, к нему подкрался и на колени рядом. Он тут же вскочил и отпрыгнул.

— Ну ты меня и напугал! — кричит. — Я думал, кабан или еще кто...

Понял я, что ошибку сделал, хотел не мешать, а, наоборот, помешал.

— Прости, Дэн! Я просто думал вместе с тобой помолиться.

— Я закончил, — смущенно ответил он. — Идем домой.

Мы пошли. Он молчал.

В какой-то момент я решил прервать молчание.

— Если не секрет, ты о чем молился? Прощения просил за всех замученных тобою девушек?

— Блин, опять ты с замученными... Нет, не об этом. Просил избавить меня кое от чего.

* * *

Было у нас в поселке собрание собственников. Хотели всякие денежные дела на общие нужды обсуждать, должников и все такое. И вот пришел я, а председатель говорит:

— Садись, Горислав! Будешь помогать мне проводить собрание.

Я попытался сделать вид, что не понял и мимо иду, но тут и все остальные говорят:

— Горислав, садись!

Сел я посредине за столом. Хотя неловко мне — пришел в майке, месяц не стиранной, и неделю небритый. И в шортах, которые сделал из своих старых штанов — отрубил топором лишнее. С другой стороны, вижу, никто не смущается. Что и понятно — половина поселка пьяная пришла.

Началось. Председатель говорит:

— Предлагаю увеличить членские взносы. Денег нет.

Одна пожилая женщина ему:

— Ты лучше свой член увеличь.

Тут все сразу закричали, пенсионерки завыли, затрясли кулаками. Какая-то женщина собаку мне свою сует:

— Подержи, Горислав.

И вот они все орут, а я сижу посредине с собакой на коленях, и она пытается мне лицо лизать.

В какой-то момент я устал. Встал, собаку в кусты выбросил и кричу:

— А ну заткнитесь все! Что это? Это бордель, а не собрание!

Замолчали они, смотрят на меня, думают, что еще дельного скажу.

А тут как раз дождь пошел.

— Все, — говорю, — расходимся, дождь.

На том и закончили.

* * *

Дэн расклеил на всех воротах в поселке объявление, что около нашего дома напротив забора будет вечером поэтический вечер. Там у нас площадка такая перед воротами, которая вся видна с балкона. И вот Дэн собирался читать стихи с этого балкона. Я думал, что никто не

придет, но к семи народ стал подходить. Пенсионерки с раскладными стульями, пьяные мужики, женщины за сорок, но еще не старые. Молодежи, конечно, не было. Ну еще дети какие-то бегали. В семь не начали, потому что люди у нас в поселке никуда не спешат и часов не наблюдают.

Мы с Дэном сидели на балконе и ждали.

— Данила, — обратилась к нам одна пожилая женщина, — ну скоро начинать-то?! А то мы все уже в нетерпении.

— Давай уже, хорош кота за яйца тянуть, — закричал пьяный мужик.

Началось волнение. Я по опыту знал, что это плохо, когда на собраниях в нашем поселке начинаются волнения, это всегда почти приводило к беспорядкам.

— Давай, — говорю, — Дэн, начинай!

— Сейчас, — кивнул он.

Встал, вышел. Слышу — негромкий звон. Потом звук стакана, поставленного на стеклянный стол. Дэн выпил коньяку.

Он вернулся, оперся о перила и шепнул мне:

— Горе, я стесняюсь чего-то...

— Дэн, брось! Народ собрался уже! Ждут! Побьют.

Тут, как бы подтверждая мои мысли, особо злобный пенсионер повысил голос:

— Я не понимаю, вы нас что, за лохов держите?

Поднялся ропот.

— Ок, — шепнул Дэн.

И обратился к публике.

— Уважаемые соседи! Начнем наш вечер поэзии. Сейчас для вас несколько стихотворений прочтет Горислав!

Я вскочил от неожиданности.

— Дэн, — шепчу, — ты чего? Я не готов!

Он не обратил внимания на мои слова и продолжил:

— Начнем со стихотворений прекрасной Анны Ахматовой — моей любимой поэтессы.

Что же, это была подстава. Он знал, что я в отрочестве много занимался с моей матерью художественным словом, даже в кружок ходил, чтобы решить проблемы с дикцией, и выучил немало стихотворений. Да, в общем, я всего Евгения Онегина наизусть знаю.

— Ладно, — сказал я.

Я выпрямился и сложил руки на груди, чтобы они не болтались и не мешали мне. Кто-то внизу сказал:

— Ну и уши у него...

— Да, как у чебурашки, — согласился еще кто-то.

— Тишина! — попросил Дэн. — Начинаем!

— Анна Ахматова, — объявил я. — Песня последней встречи.

Пока читал, чувства переполняли мое сердце, и старался я читать как можно выразительнее. Мне говорили, что оно девчачье и сентиментальное, ну так я не вижу в этом ничего плохого. Я и сам очень сентиментальный и люблю поплакать. Краем глаза вижу, что и у Дэна глаза намокли, и сел он, и понурился.

Публика оценила. Раздались редкие хлопки и возгласы одобрения.

— Неплохо, Горислав. Неплохо! Чем еще стариков порадуешь?

Читал я до темноты. Последнее прочел Дэн — Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья».

Уходя, жители поселка сказали нам много теплых слов. Просили устраивать такие вечера почаще.

— У вас тут прямо как Дом культуры деревенский! — заметил кто-то.

— Да-да, — засмеялся Дэн, — это точно. У нас тут Дом культуры.

— А ты не смейся! Жениться тебе надо... Сколько баб можно водить?

* * *

— А поехали ко мне в клуб? Я сегодня работаю, — предложил Артем.

Он как раз собирал вещи и нюхал кокс, чтобы взбодриться после трех дней веселья.

— Отличная идея! — обрадовалась Мальвина. — Данила Сергеевич, поедете?

— Ну а почему нет? — ответил он. — Что мне тут сидеть?

— А вы, Горислав?

— Я нет. Не поеду. Я против! Представляю, что там будет.

— Ну пожалуйста! — Она сложила вместе руки и сделала противное умоляющее лицо. — Ради вашего брата!

— Как тебе не стыдно говорить о моем брате! Он из-за вас с Артемом скоро совсем торчком станет!

Но все-таки я поехал. И хотя я убеждал себя, что еду действительно из-за брата, боюсь, что на самом деле это было не так.

* * *

В большом помещении гремела музыка. Артема встретили овациями и криками, местная публика его хорошо знала. Он легко взбежал к пульту, обменялся приветствиями с другим диджеем и занял его место. Я удивился, как он преобразился — такой бодрый, улыбчивый, задорно сверкает лысина. Вот он склонился над пультом, как, наверное, некогда Иоганн Себастьян Бах над органом, и... началось. Вместе с дружным воплем поднялся и замелькал в световых волнах лес рук, и

даже у меня, чуждого дьявольщине, пробежал холодок по телу. Да, Артем знал свое дело, он хорошо понимал, что такое драйв. Он управлял нашими желаниями.

И вот я стоял над морем беснующихся людей, на две головы выше всех, взирал на все это, а они взирали на меня, кто со смехом, а кто с удивлением, и я очень отчетливо чувствовал, что я здесь лишний. Как ловко, как свободно извивались их молодые тела! Я же ощущал себя все более и более скованным, как будто меня одели в броню средневекового рыцаря. Спрятаться бы в подземелье, спрятаться, выключить свет, и заткнуть уши, и заснуть — желательно вечным сном, вот чего мне хотелось.

Мальвина пошла искать кого-то, кто банчит, рыбак рыбака видит издалека, я не сомневался, что она найдет быстро. Дэн прибился к барной стойке, сел на высокий стул, облокотился о столешницу и начал пить «Лонг-Айленд». Такой у него пунктик, если уж он пришел в клуб, то будет пить этот коктейль по-любому.

Тут появилась Мальвина с двумя коктейлями.

— Что стоите! Выпейте! — прокричала она и протянула мне один стакан.

— Ты чего орешь? — спросил я.

— Мне Артем рассказал, что вы глухой на ухо, и поэтому где шумно, не слышите ничего!

Это была правда. Я раздраженно взял коктейль и выпил залпом. Потом забрал ее коктейль и повторил.

— Вы чего? — удивленно спросила она.

— Ничего. Неси еще. И это... Я бы принял чего-нибудь.

— Фен?

— Что угодно. Бодрящее!

— Я так и знала! Я так и знала, что вы захотите! — Она захлопала в ладоши.

— Давай дуй.

Не было ее долго, около получаса. Я уж решил, что она про меня забыла, и собирался выйти на улицу и поехать домой. Но тут она возникла с очередным стаканом. Дала его мне, а другой рукой залезла мне в задний карман, вроде обняла меня за задницу.

— Руки! — воскликнул я.

— Спокойно, дурачок! Там кое-что для тебя. Только мне оставь, ладно?

Я полез было в карман, но она остановила меня.

— Не здесь же! Иди в туалет.

Я нашел туалет. Там, конечно, была толпа, и пришлось ждать. Пахло травой. Я стоял со стаканом и пил. Потом заметил, что у писсуаров двое парней держат друг друга за яйца. Я тут же начал креститься, но поскольку в правой руке у меня был стакан, то я ударил себя этим стаканом по лбу и весь облился. Получилось неприятно, я был в белой майке.

Наконец, я дождался. Зашел в кабинку, полез в задний карман, достал. Пакетик с мелкими кристалликами белого цвета. Я видел, как это делается, не раз уже, но вот как мне тут дорожки делать? На бачке? В общем, я высыпал все это дело в ладонь и пару раз втянул носом.

Защипало сильно, даже слезы выступили.

Я покинул кабинку. Какой-то парень показал пальцем на мой нос. Я посмотрел в зеркало — да, я в белом порошке. Ополоснулся и вышел. Тут начали течь сопли, и пришлось все время их втягивать. Я шел через толпу, шмыгая, меня заливал свет, качала музыка и обтекали гибкие тела.

Теперь все здесь стало родным и близким. Я почувствовал себя своим, и другие, видимо, почувствовали то же самое по отношению ко мне — я больше не ловил на себе насмешливых взглядов. Броня спала.

Я нашел Дэна. Он сидел непонятно за каким стаканом «Лонг-Айленда» и о чем-то говорил с незнакомой девушкой. Понятно, у Дэна без перемен.

— Дэн, сигарету дай!

— Горе, ты же не куришь?

— Дай сигарету, твою мать!

— На... А что у тебя с глазами?

Я взял сигарету и вышел на улицу. Прикурил у охранника. Ночь медленно и нежно заползала в меня через все отверстия вместе с тротуаром, машинами, домами, бегущей мимо собакой, курящими рядом ребятами. А я жадно втягивал все это и хотел, чтобы это продолжалось вечно. У ребят я стрельнул еще одну сигарету. Потом еще и еще одну. Перед тем как вернуться в клуб, они отдали мне всю пачку.

Тут меня нашла Мальвина.

— Я тебя обыскалась! — Она была злая. — Где порох?

Я затянулся и отвернулся от нее.

— Ты чего, вынюхал все?!

Взгляд у нее стал дикий такой, как будто она меня сейчас ударит. Тут я заметил, что волосы у нее собраны в хвостик и перевязаны резиночкой. Я протянул руку и сорвал ее, голубые волосы рассыпались по плечам.

— Ты что творишь? Где фен?!

— Мелкая еще! — сказал я. — Тебе детей рожать!

И зашел в клуб.

— Каких детей, урод?! — закричала она вслед.

Я вернулся в туалет, встал напротив зеркала и завязал волосы в хвост. Мои уши открылись миру во всей красе. Я внимательно посмотрел на свое отражение, поиграл бровями, улыбнулся.

— А я ведь ничего! — сказал я.

— Да ты вообще нормальный мужик, не парься, — ответил кто-то рядом.

И я вышел на танцпол.

* * *

Я проснулся на полу в квартире у Артема, свернутый в калачик. Я смутно помнил, что мы сюда ехали, но детали от меня ускользали. Я распрямился, вытянул ноги, ударил в стеллаж, с него что-то посыпалось.

— Полегче! Хорош громить, вчерашнего хватит. — Это было голос Артема.

Я огляделся, на большой кровати лежали трое: собственно хозяин, Дэн и Мальвина. В одежде. «Это хорошо, что в одежде, — подумал я, — не хватало здесь еще свального греха!»

— А что было вчера? — тихо спросил я.

— Знаешь, Горислав, — сказал Артем, — давно тебя знаю, но не думал, что ты такой лютый в деле! Снимаю шляпу.

— Я и сам не знал, — скромно ответил я, начиная что-то припоминать.

— Ты взорвал танцпол, — сказал Дэн.

— Ох, дайте поспать, — прошептала Мальвина.

Да-да, я кое-что вспомнил. Действительно, когда я вышел из туалета, я пустился в пляс. Это было что-то вроде гопака. В общем, присядка и лихие прыжки точно были — это у меня лучше всего получается.

Помню, что в какой-то момент я танцую один, а вокруг меня люди стоят и смотрят на меня весело. Помню ухмылку Артема во все лицо из-за пульта, приподнятые плечи и потную лысину.

Потом я в какой-то компании за длинным столом. Меня хлопают по плечам, предлагают коктейль. Девушка, длинная, худая и угловатая, как циркуль, предлагает мне пойти покурить. Она блондинка, с большими накрашенными глазами и хитрым взглядом, и не красивая, но чем-то привлекательная. Мы идем, я спотыкаюсь о стул, роняю его. Я сильно пьяный, меня качает. Я подоглох, музыка и голоса приходят ко мне словно сквозь толщу воды. На выходе я ударяюсь плечом о дверной косяк, меня разворачивает, блондинка берет меня за локоть и выводит.

— Осторожно, красавчик, — говорит она и добавляет охраннику: — С ним все в порядке. Он со мной.

Мы заходим в какую-то подворотню. Там темно, мусорный бак, высокий кованый забор, и луна на ясном небе. «Похоже, дело идет к сексу!» — думаю я. Я радуюсь этой своей мысли.

Она закуривает трубочку, потом протягивает ее мне. Я вдыхаю, держу в себе. Она смотрит внимательно на меня. Все, больше я ничего не помню.

— А дальше, — сказал Артем, — она тебя еле обратно притащила. С открытым ртом, слюнями до земли и расстегнутой ширинкой. Фейсконтроль отказался тебя обратно пускать. Хорошо, Мальвина покурить вышла, нашла, а так бы и не знаю, что с тобой было.

Я постарался напрячь память. Нет, ничего.

— Парни, — сказал я, — так у меня был секс или опять нет?

— Едва ли, — пробормотала Мальвина.

* * *

Мы сидели у Артема на кухне за столом и пили пиво. Мне полегчало, хотя вчерашние вещества давали о себе знать смутной тревогой и периодическими паническими атаками. Я курил сигареты, Артем с Дэном и Мальвиной — траву.

— А я вижу, он курить и пить начал, — кивнула на меня Мальвина. — А вчера вообще как подонок себя повел. Все один употребил.

— Парни, — сказал я. — Я не понимаю, эта мелкая шлюха с нами живет теперь? Как бы родители с полицией не нагрянули.

Она выдохнула едкий дым мне в лицо.

— Следи за базаром, урод.

Мальвина была ненакрашенная, помятая и невеселая. Голубые волосы растрепались, ресницы вдруг стали в два раза короче, большие губы зло сузились. На щеках проявились веснушки. Что-то в ней появилось мальчишеское.

— Хватит, — сказал Дэн. И обратился к Мальвине: — Ты на Горислава не наезжай. Он наш брат.

— Ладно. — Мальвина встала и затушила окурок в пепельнице. — Счастливо оставаться.

И прошла в прихожую. Но никто не пытался ее задержать. Тогда она вернулась и сказала:

— Деньги на такси дайте.

Артем залез в бумажник, вытащил пятерку и протянул ей. Она взяла без «спасибо» и снова ушла в прихожую. Мы услышали, как она надела туфли, потом хлопнула дверь.

— Ты чего ей так много дал? За пятеру она до Питера доедет, — спросил Дэн.

— На всякий случай. Чтобы претензий к нам не было. А то мало ли что.

Окончание следует.